

**ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СМЕНЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ОПИСАНИИ
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА**

Елена В. Шимко¹

*Украинская богословская академия
им. св. Кирилла и Мефодия
г. Ужгород, Украина*

Keywords: Church Slavonic, book written tradition

Summary: The difficulties of the objective description of Church Slavonic language, which are connected to lacks of the theory as common Slavic linguistic discipline, uncertainty of criteria of the description and object of research are analyzed in the clause.

Ключевые слова: церковнославянский язык, книжно-письменная традиция

Аннотация: В статье анализируются трудности описания церковнославянского языка, связанные с несовершенством теории церковнославянского языка как межславянской лингвистической дисциплины, неопределенностью критериев описания и объекта исследования.

Для традиционного эмпирического языкознания целью исследования всегда является познание сущности лингвистических явлений, их типологии, эволюции. Необходимость теоретического осмысления накопленных фактов на первое место ставит вопрос о методах и способах их описания, критериях классификации, критериях статистической обработки, отнесенности языковых явлений к тем или иным функциональным сферам языка. Сказанное в полной мере относится к изучению церковнославянского языка поздних периодов его эволюции и взаимодействию с народным наречием, говорами. В научной литературе обычно обращают внимание на роль церковнославянского языка в формировании национальных литературных языков. Эта связь более очевидна. Между тем, постоянно существовала и обратная связь: имена наиболее значительных церковных книжных деятелей связаны с обработкой языка церковнославянских текстов, после

---

¹ © Шимко, Е. А., 2015.

которой они становились более близкими родной речи. Интересно в этом отношении замечание А. Соболевского о том, что «историк языка должен ... уметь различать церковнославянский язык русского извода, восходящий к южнославянскому оригиналу, от церковнославянского языка, вышедшего из-под пера русского грамотея, церковнославянский язык русского извода, обработанный русским грамотеем XI – XII веков, от церковнославянского языка, обработанного в XIII – XIV или XV – XVI веках». Как известно, – продолжает далее ученый, – истории церковнославянского языка как литературного языка древней Руси не существует у нас даже в зачатках, и потому историк, рискующий прикоснуться к массе «безличных произведений...», должен прокладывать себе дорогу сам» (Соболевский, 1903: 156-157).

Исследователями безоговорочно признается тот факт, что в ареале *Slavia Orthodoxa* церковнославянский язык на протяжении всей своей истории был основой религиозных и культурных связей разных славянских народов, при этом, как указывает Б. А. Успенский, «оппозиция церковнославянского и русского (*в том числе и любого другого родного языка автора или переписчика – Е. III.*), на каждом этапе отчетливо осознавалась коллективным языковым сознанием» (Успенский, 1994: 5).

Необходимость детального и всестороннего изучения церковнославянского языка была убедительно аргументирована еще во время дискуссии на IV Международном съезде славистов (1958 г.). Обсуждение вопросов формирования и развития славянских литературных языков (см. выступления Б. Гавранека, С. А. Копорского, Б. Унбегауна, А. И. Журавского, А. Достала и др.) показало необходимость построения истории церковнославянского языка как единого литературного (культурного) языка славянства (Четвертый международный съезд славистов, 1962). Однако до сих пор серьезное научное внимание уделялось **лишь древнейшему этапу истории древнеславянского языка – языку старославянскому**. «Что касается изучения древнеславянских памятников более поздних эпох – вплоть до XVIII в., то они изучались – по мнению Н. И. Толстого – спорадически, главным образом в целях обнаружения в них конкретных локальных, диалектных черт» (Толстой, 1988: 52-53).

Многие исследователи языка² объектом познания считают текст, данный в непосредственном наблюдении. Он представляет собою ту

---

2 См., например, работы Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. — 144 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

объективную реальность, с которой имеет дело лингвист. По мнению этих лингвистов, умозаключения о фактах языка должны делаться на основании непосредственного наблюдения за данным конкретным текстом: текст является вполне исчерпывающим объектом познания и дает право исследователю делать свои умозаключения о сущности того или иного лингвистического факта.

Что касается церковнославянского языка, то в этом случае возникает необходимость «исследовать по единой программе язык всех написанных произведений от начала письменности на Руси до нашего времени, ... не пропуская ничего важного, существенного, причем на всех уровнях языка» (Филин, 1981: 3)³. В период XVI – начала XVIII вв. продуцируется огромное количество разнообразных по содержанию и жанрам книг, написанных и напечатанных не только в Москве, но и в других культурных центрах – Львове, Вильнюсе, Остроге, Киеве. Кроме того, как указывает Л.С. Ковтун, в данный период находилась в пользовании «вся литература XI – XVI веков, которая постоянно переписывалась» (Ковтун, 1971: 8).

Для объективного описания всех этих текстов (контекстов) требуется системный анализ многих языковых фактов, где выводы о конкретных элементах должны базироваться на всей совокупности связей и соотношений, а не только тех, которые представлены в отдельном контексте. Исследование должно осуществляться с учетом максимально возможных условий употребления той или иной формы как объективных показателей реального существования и самой словесной формы, и ее значений. Огромное количество разнообразных письменных источников, «второе» и «третье южнославянские влияния», литературное и культурное влияние Юго-Западной Руси, формирование разных изводов и синкретических форм – гибридный церковнославянский язык, «проста мова», попытки создания «общего культурного языка» – делает данную программу чрезвычайно сложной для реализации.

К проблеме объективного описания церковнославянского языка можно подойти с позиций современного логического позитивизма, представители которого считают, что познание сущности лингвистических явлений не является самоцелью лингвистического исследования. По мнению современного логического позитивизма, каждое **научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, исключающих знание объективных свойств элементов, входящих в соотношение**. Цель всякого исследования – установление соотношения элементов вне какой-либо связи с познанием их объективных свойств: «Каждое описание языка должно начинаться с установления соотношения между значимыми

---

3 Эта мысль высказана Ф. П. Филиным применительно к древнерусскому литературному языку, но она, безусловно, актуальна и для исследования церковно-славянских текстов.

в этом отношении единицами, а такое установление соотношений между единицами не будет содержать никаких высказываний о внутренней природе, сущности или субстанции этих единиц» (Ельмслев, 1965: 63). «Именно эти соотношения и составляют систему языка, и именно эта внутренняя система является характерной для каждого данного языка, в то время как проявление языка в звуках или письменных знаках и значениях остается безразличным для самой системы языка и может изменяться без всякого ущерба для системы» (Ломтев, 1976: 31).

Такой подход выдвигает на первый план изучение церковнославянского языка не как сакрального символа, не как языка общения с Богом, а языка, в разное время попавшего под определенные влияния: 1) со стороны общественных и политических изменений общества, 2) осознанную правку кодификаторов и грамматистов, 3) обработанный мастерами художественного слова. Однако даже применительно к церковнославянскому языку Древней Руси, наиболее изученного периода его существования, у исследователей нет однозначного мнения относительно его норм и правил, а также особенностей образцовых текстов. Характер языковой ситуации в Руси (сосуществование церковнославянского и русского языков в одном культурном пространстве, описываемое лингвистами как церковнославянско-русская диглоссия, церковнославянско-русское двуязычие) свидетельствует о взаимопроникновении элементов церковнославянского и родного языков до такой степени, что, по мнению Н. Н. Запольской, можно говорить о формировании гибридного церковнославянского языка, как системы имеющей в своем составе определенное количество русизмов и славянизмов (Запольская, 1986: 134).

Отсутствие грамматик церковнославянского языка (первые церковнославянские грамматики появляются в Юго-Западной Руси в XVI в.) делает невозможным формальный анализ грамматических категорий в контексте соблюдения узаконенной нормы, что вынуждает ориентироваться при описании языковых особенностей на образцовые тексты. А образцовые тексты, к сожалению, не доносят до нас всех особенностей церковнославянского языка – например, характер соотношения орфографии и орфоэпии, особенности книжного произношения и т.п. Между тем, даже в памятниках конфессиональной литературы, которые наиболее полно следуют книжной традиции, наряду с принятыми и освященными традицией церковнославянскими формами вводятся в употребление формы, близкие к народно-разговорным. Можно вспомнить опыты перевода Евангелий на народный язык, явления противоположного порядка — включение церковнославянских контекстов в памятники, ориентированные на народно-разговорную

речь. И для каждого такого случая актуальным остается положение Д. С. Лихачева, о том, что «выбор тех или иных форм и слов всегда был выбором осознанным». (Лихачев, 1979: 89).

Совмещение в пределах одного текста гетерогенных форм наблюдалось не только в конфессиональной письменности: язык деловой письменности, юридических кодексов, грамот свидетельствует, скорее, о «многоязычии»⁴ Московской и Юго-Западной Руси, чем о следовании строгим канонам классической книжности. Таким образом, функции, роль и место церковнославянизмов в системе книжно-письменной традиции оказывались различным, что, с одной стороны, по-разному влияло на процессы формирования национальных литературных языков, а с другой – способствовало эволюции и изменению самого церковнославянского языка.

Ситуация несколько меняется с появлением грамматик и словарей церковнославянского языка, в которых устанавливаются соответствия книжного и не книжного языков. Они давали возможность изучения формально выраженной (кодифицированной) нормы церковнославянского языка, с одной стороны, и сознательного следования ей / или нет в подборе языковых средств при порождении текстов. Однако, как известно, норма, кодифицированная в той или иной грамматике, зависела от культурного центра, в котором эта грамматика была написана⁵. Более того, изучение грамматики и, как следствие, соблюдение ее предписаний вызывало и

4 Такое «многоязычие» было в большей мере характерно для Юго-Западной Руси, где часть текстов писалась и печаталась в две колонки. Например, Евангелие Василия Тяпинского (около 1570 г.) написано на церковнославянском и западно-русском (по мнению Толстого Н. И. на белорусском) языках, вышедшая в Остроге в 1607 г. книга «Лекарство на оспальный умысль чьлочій...» написана на церковнославянском и украинской «простой мове», а книга Стефана Зизания «Казание святого Кирилла патріарха іерусалимського...» (Вильно, 1696 г.) напечатана на церковнославянском и польском языках.

5 Следует отметить тот факт, что грамматика Л. Зизания, «Букварь» И. Федорова, а также грамматика М. Смотрицкого до недавнего времени однозначно рассматривались как грамматики церковно-славянского языка русской редакции. Такой взгляд на эти памятники письменности до сих пор усваивают студенты-филологи из учебников по «Истории русского литературного языка». И только в специальной литературе указывается на то, что нормы, кодифицированные в этих грамматических трудах, это нормы церковно-славянского языка юго-западной редакции, т.е. он гораздо ближе к украинскому языку того времени, чем к русскому. Так, например, Б. А. Успенский, пишет, что Л. Зизаний демонстрирует «процесс кодификации «простой мовы» и связанную с этим процессом тенденцию к стилистическому разграничению между формами «простой мовы» как литературного языка Юго-Западной Руси и разнообразными диалектными формами» (Успенский, 1994: 67), а в Грамматике Милетия Смотрицкого представлены формы «церковнославянского языка, которые были приняты на Украине и в Белоруссии, т.е. церковнославянского языка, оказавшегося под определенным влиянием со стороны украинского и белорусского языков (и из-за наличия у этих языков многих общих черт ... не всегда возможно определить следы влияния того или другого языка)» (Кузнецов, 1958, 32). Подробнее об этом см.: Німчук, В.В. Мовознавство на Україні в XVI – XVII ст. Київ: Наукова думка, 1985.

отрицательное отношение (Черных, 1953: 88). Провинциальное духовенство очень недоверчиво относилось к изучению языков (латинского, греческого и даже церковнославянского), к ученым грамотеям. Книги признавались только древние, рукописные. Печатные же книги, особенно те, которые печатались в «иноверных землях», считались погаными и исполненными ересей. Известно, что даже московский первопечатник И. Федоров вынужден был уехать в Западную Русь, а слог «Учительного Евангелия» (1627 г.) К. Т. Ставровецкого в виду необычного правописания «был признан в Москве «еретическим» – именно слог как таковой! – и книга была торжественно предана огню» (Успенский, 1996: 337-338).

Следовательно, сознательная кодификаторская работа, с одной стороны, и не менее сознательное нежелание книжников соблюдать рекомендации грамматик, с другой стороны, делают проблему установления формальных отношений между единицами и категориями церковнославянского языка сложной. Определенную помощь в этом вопросе могут оказать грамматики русского языка, написанные иностранцами, хорошо ощущавшими различия между языком разговорным и письменным, официальным и неофициальным. Так, например, Ж. Сойе в предисловии к своей Грамматике говорит о языке, «...на котором пишутся книги и на котором ведется делопроизводство... при этом подчеркивает, что он *«отнюдь не черпает своей силы и изящества в диалекте – Ж. С.»*, но *«заимствует всю свою красоту и энергию из церковнославянского – Ж. С.»*. (цит. по: Успенский, 1988: 96). В соответствии с этим, по мнению Ж. Сойе, изучение русского литературного языка обязательно предполагает знакомство с языком церковнославянским, без помощи которого невозможно хорошо писать по-русски.

На серьезные трудности наталкиваются количественные оценки церковнославянизмов, генетически связанных с языком церковнославянским, или не связанных – так называемых славянорусизмов. Жесткие и прямолинейные схемы, мало обоснованные фактами и ориентированные на формально-генетическую оценку, игнорируют сложную языковую реальность и не помогают выяснению языковых процессов. Количественные определения слов с церковнославянскими приметами в русском литературном языке нередко нельзя принимать всерьез, поскольку они не основываются ни на каких подсчетах, а представляют собой всего лишь своего рода «символы веры», выражение тенденциозности теоретических установок. А. А. Шахматов, по мнению Филина, не производил каких-либо подсчетов,

так как в его время еще не было более или менее полных словарей нормированного русского литературного языка, поэтому в качестве доказательства своего тезиса, о том, что лексика литературного языка состоит «на половину, – если не больше» из церковнославянизмов, он приводит всего лишь 735 случайно набранных примеров. М. Н. Петерсон ограничился изучением языка только нескольких случайно взятых пушкинских текстов, Б. О. Унбегаун вообще не делал никаких подсчетов (Филин, 1978: 411).

Ориентация на формально-генетические признаки в оценке церковнославянизмов способна существенно исказить реальную картину. Например, слова *драгоценен* и его производных не было в церковнославянском языке⁶. Как отмечает Б. О. Унбегаун, слово *прохлаждаться* (здесь не только неполногласие, но и *жд*) возникает в народно-разговорной (не книжной!) речи и попадает в письменность в XVI в. Только в конце XVIII – начале XIX вв. слово *прохлада* теряет значение ‘удовольствие, наслаждение’ и приобретает теперешнее – ‘приятная свежесть, тень, умеренное тепло’. Некоторые слова являются ложными церковнославянизмами: они были заимствованы из польского языка и лишь в результате субституции получили неполногласную огласовку. Ср. *охрана, охранка* – заимствование из польского *ochrona, ochronka* (с XVII в.), а не образование от *охранять*; *поздравить, поздравлять, поздравление* (впервые засвидетельствованы у Курбского) – от польского *pozdrawic, pozdrowienie* и др. (Кохман, 1974: 154-159).

В русском языке, в том числе и в диалектных его разновидностях, происходили всякого рода преобразования в словах с неполногласными формами: создание новых слов, иное их оформление, а также переосмысление и стилистическое опрощение. Бранное слово *мразь* (его А. А. Шахматов приводит как пример «чистого» церковнославянизма) возникает в диалектной среде, оно впервые зафиксировано в «Опыте областного словаря» 1852 г. и в современных толковых словарях обозначается как просторечное. Ср. еще *младше* (просторечное; диалектное *млаже*), *младшенький* (разговорное), *сласть* ‘сладость’ («зевнул во всю сласть» и пр. – просторечное), *сласти* ‘кондитерские изделия, лакомства’ (разговорное), *сластена* (разговорное; впервые в Словаре 1847 г.), *сладкоежка* (то же, впервые в «Опыте» 1852 г.), *сластоежка* (то же, впервые у Даля), *благой* (*кричатъ благим матом* – просторечное), *блажить, блажь, блажной* (все просторечные) и т.д.

⁶ *Драгоцение* как русское книжное образование впервые появляется в новгородской Библии Геннадия 1499 г., а драгоценный только в русской письменности XVII в., в записях песен и былин. Слово, по-видимому, появилось в XIV в., но широкое распространение получило только с XVII в. (Цейтлин, 1974: 179).

Эти и им подобные слова не имеют отношения к церковнославянскому языку как таковому.⁷

Подобная ситуация наблюдается и по отношению к словам с другими церковнославянскими приметами, с церковнославянским суффиксально-префиксальным словообразованием, сложными словами, лексическими и семантическими славянизмами. Суффиксы *-ание, -ение, -ние, -тие, -ие, -ость* {*-есть*}, *-ство, -тель, -знь* (*жизнь, болезнь*) и др. имелись еще в праславянском языке, из которого они были унаследованы отдельными славянскими языками, т.е. сами по себе они не являются генетически (этимологически) связанными с книжной традицией. На праславянском происхождении этих морфем настаивает ряд русских исследователей, в частности, в «Этимологическом словаре славянских языков» под редакцией О.Н. Трубачева, представляющего собой опыт реконструкции праславянского лексического фонда, имеются слова на указанные суффиксы (**bezdrъzdyje, *belostь* и др.) работы Л. Н. Булатовой (Булатова, 1957), С. Б. Бернштейна (Бернштейн, 1972) подтверждают, что *-ие, -тель* были унаследованы из праславянского фонда, а образования с *-ость*, по мнению Н. М. Шанского, значительно активизировалась только в XVII веке не без украинно-белорусского влияния (Шанский, 1961).

В некоторых работах (особенно в учебных пособиях), считается, что такие слова как *уста, очи, чело, перст* и подобные являются церковнославянизмами. Между тем, Ф. П. Филин отмечает, что это исконно восточнославянские слова, никоим образом не противопоставленные словам *рот, глаза, лоб, палец*, которые «в сфере литературного языка стали архаизмами, и поэтому в словарях XVIII – начала XIX вв. ошибочно получили помету «славенское» (Филин, 1978: 414). В целом, в XVI в. и особенно в XVII в. вместе с возросшими светскими потребностями общества церковнославянский язык сдает свои позиции, однако продуктивные формо- и словообразовательные модели, не имея непосредственной принадлежности к языку церковнославянскому, продолжают работать уже в системе русского литературного языка нового времени.

⁷ См., например, примечание рецензента статьи проф. Мишланова В. А.: Многовековое влияние церковнославянского языка на русский литературный язык проявляется не только в прямых заимствованиях из церковных книг, даже не столько, сколько в том, что *деривационный механизм русского языка (модели лексической и синтаксической деривации, корнеслов и морфемика)*, по сути является церковнославянским. Именно поэтому польское *ochrona* замещается ц.-славянским (именно ц.-славянским!) вариантом (в отличие от современного полонизма *схрон*). Сотни калек 18 – 19 вв. образовывались на базе ц.-сл. морфем (*подлежащее, сознание, сказуемое, слагаемое, предмет* (а не *передмет*) и т.д. Примеры автора из живой русской речи свидетельствуют о том же.

Из всего сказанного выше вытекает необходимость разработки теории церковнославянского языка как общего литургического и литературного языка в едином культурно-языковом пространстве *Slavia Orthodoxa*, языка, попадавшего, с одной стороны, под влияния национальных языков, а с другой – на протяжении всей истории подвергавшегося сознательной правке со стороны просвещенных слоев общества. Об этом свидетельствует изучение эволюции лингвистических взглядов, направленность реформ и «рефлексий», начиная с древнейших периодов и вплоть до середины XVIII в.: это, в частности, языковое творчество кодификаторов, никоновская «книжная справа», «второе южнославянское влияние», европеизация культурной и социальной жизни.

При описании истории церковнославянского языка у восточных славян немаловажное место занимает вопрос о преемственности книжно-письменной традиции в национальных литературных языках, как факт повлиявший на закрепление в книжно-письменной традиции определенного извода церковнославянского языка. Если стать на позиции ряда историков русского литературного языка, в противовес традиционной науке настаивающих на перерыве книжно-письменной традиции и «соответственно о разных церковнославянских «основах» русского языка «старого» (до XVII в.) и «нового» (после XVII в.)» (Горшков, 1983: 87), придется принять и тот факт, что церковнославянский язык северно-восточной редакции во второй половине XVII в. прекратил свое существование. На это обращали внимание А. И. Соболевский (Соболевский, 1980: 11), Г. Хютль-Ворт (Хютль-Ворт, 1965), Н. И. Толстой (Толстой, 1988), из современных исследователей можно назвать В. М. Живова (Живов, 1988). Согласно этой концепции, его место занял церковнославянский язык юго-западной редакции, который «победил московскую традицию, вытеснил ее в старообрядческое подполье, а сам воцарился в Москве, сделавшись отныне общерусским» (Трубецкой, 1995: 173). По мнению этих ученых редакции церковнославянского языка в Киеве и в Москве до XVII-го века были не одинаковы, как в отношении словарного состава, так и в отношении синтаксиса и стилистики. «Уже при Никоне, – по мнению этих ученых, – киевская редакция церковнославянского языка вытеснила московскую в богослужебных книгах, ... так что тем церковнославянским языком, который послужил основанием для литературного языка петровской и послепетровской эпохи, является именно церковнославянский язык киевской редакции» (Трубецкой, 1995: 365).

Известно, что в XVI–XVII вв. русский литературный язык и

русская литература переживают глубокие преобразования. Наиболее полно и категорично эта точка зрения изложена Н. С. Трубецким в работе «К украинской проблеме»⁸, анализ и рассмотрение которой не является объектом данной статьи. Однако если встать на точку зрения исследователя, то следует признать что уже с XVII в. «все традиции и формы использования церковнославянского языка ... идут из Украины» (Трубецкой, 1995: 187), а «украинское лингвистическое влияние среди всех остальных – польского, немецкого, греческого, белорусского – было доминирующим, самыми эффективным и длительным» (Полюга, 1996: 20–21). Поэтому лишь детальное и внимательное изучение церковнославянского языка поздних периодов его развития, не только

---

8 Ср., например, мнение исследователя: «... После присоединения Украины на очередь стал вопрос о слиянии обеих этих редакций русской культуры воедино. При этом, однако, вопрос ставился в форме довольно обидной, как для великорусского, так и для малорусского национального самолюбия: думали не столько о слиянии обеих редакций русской культуры, сколько об упразднении одной из них, как редакции “испорченной”, и сохранении другой, как единственной “правильной” и подлинной. Украинцы считали московскую редакцию русской культуры испорченной благодаря безграмотности москвичей, попрекали москвичей отсутствием школ и кичились перед ними постановкой школьного дела. Москвичи же считали украинскую (вообще западнорусскую) редакцию русской культуры испорченной благодаря еретическому латинско-польскому влиянию. ... Практический вопрос сводился к тому, - какую из двух редакций русской культуры следует целиком принять, и какую целиком отвергнуть. Решать должно было правительство, т. е., в конечном счете, царь. Правительство встало на сторону украинцев, - что с точки зрения политической было совершенно правильно: неизбежное недовольство великороссов могло привести разве только к бунтам чисто местного характера, тогда как недовольствие украинцев могло значительно затруднить и даже сделать невозможным настоящее воссоединение Украины.

... Но, вставши на сторону украинцев, московское правительство сделало в направлении признания “правильности” украинской редакции русской культуры только первые шаги. Правда, это были самые ответственные шаги, - “исправление” богослужебных книг (т.е. замена московской редакции этих книг редакцией украинской) и вся реформа Никона. В этой области была проведена полная унификация, при чем великорусское было заменено украинским.

... Царь Петр поставил себе целью европеизировать русскую культуру. Ясно, что для выполнения этой задачи могла быть пригодна только западнорусская, украинская редакция русской культуры, уже впитавшая в себя некоторые элементы европейской культуры (в польской редакции этой последней) и проявлявшая тенденцию к дальнейшей эволюции в том же направлении. Наоборот, великорусская редакция русской культуры, благодаря своему подчеркнутому европофобству и тенденции к самодавлению, была не только непригодна для целей Петра, но даже прямо мешала осуществлению этих целей. Поэтому, Петр эту великорусскую редакцию русской культуры постарался совсем искоренить и уничтожить, и единственной редакцией русской культуры, служащей отправной точкой для дальнейшего развития, сделал украинскую редакцию.

... Таким образом, старая великорусская, московская культура при Петре умерла... (Трубецкой, 1995: 362–365).

московской, но и юго-западной редакций, способно разрешить данный вопрос.

Таким образом, даже неполный анализ отдельных методологических проблем изучения церковнославянского языка свидетельствует о необходимости пересмотра части теоретических положений из истории развития церковнославянского, а также русского и украинского литературных языков. В настоящее время сложно согласиться с авторами коллективной монографии «Философские проблемы языкознания», которые рассматривали эволюцию церковнославянского языка как совокупность исключительно количественных изменений: «Зміни в мові, що відбулися в відомий нам проміжок часу, надто незначні. Скажімо, якщо порівняти давньоруську літературну мову з сучасними українською, російською і білоруською літературними мовами, то навряд чи можна говорити про якусь якісну зміну мовної системи в цілому. Відбулися лише окремі зміни в певних ділянках цих систем. Однак пов'язати їх з новою якістю в розвитку мислення жодних підстав у нас немає. Розвиток ... за цей період мав лише кількісний характер» (Філософські..., 1972: 153).

В науке периодически происходит пересмотр устоявшихся теорий. Современное изучение церковнославянского языка должно учитывать сложную совокупность всех факторов его эволюции, которые позволят разработать его историю как языка книжно-письменного в ареале Slavsa Orthodoxa и общего культурного языка для восточных славян, учитывая воздействие на его эволюцию языковой ситуации Московской и Юго-Западной Руси, а именно:

1. Явления, связанные с жизнью общества, т.е. связанные с отношением общества к церковнославянскому языку как неприкосновенному сакральному символу или языку активного общения с богом, подвластному изменениям не только закономерным, но и случайным.

2. Функционирование церковнославянского языка в светской, не духовной, литературе, научной и деловой речи, иронической поэзии, поскольку такое его использование активизирует внутренние законы развития актуальные для эволюции языков народно-литературных.

3. Постоянные противоречия между различными языковыми вариантами, наиболее стабильным из которых традиционно считается кодифицированная норма.

Учет этих факторов позволит выстроить историю церковнославянского языка как социолингвистическую дисциплину.

Литература:

- Булатова, Людмила. 1957. Отглагольные существительные на –нье, –тье. В: *Труды института языкознания АН СССР. Т. 7.* Москва.
- Бернштейн, С. 1972. К истории славянского суффикса –tel. В: *Русское и славянское языкознание.* Москва.
- Горшков, Александр. 1983. Теоретические основы истории русского литературного языка. Москва.
- Ельмслев, Луи. 1965. Метод структурного анализа в лингвистике. В: *Acta linguistica. T. VI.* Copenhagen.
- Живов, Виктор. 1988. Роль русского церковнославянского языка в истории славянских литературных языков. В: *Актуальные проблемы славянского языкознания.* Москва.
- Запольская, Наталия. 1986. Функционирование причастий в русском литературном языке ХУП – ХУШ в. (Дисс. На соискание ученой степени кандидата филологических наук. Рукопись). Москва.
- Ковтун, Лилия. 1971. Русские книжники XVI столетия о литературном языке своего времени. В: *Русский язык. Источники для его изучения.* Горький.
- Кохман, Станислав. 1974. К вопросу о неославянизмах. В: *Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков.* Москва.
- Кузнецов, П. 1958. *У истоков русской грамматической мысли.* Москва.
- Кутина, Лидия. 1978. Последний период славяно-русского двуязычия в России. В: *Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов.* Москва.
- Лихачев, Дмитрий. 1979. Поэтика древнерусской литературы. Москва – Ленинград.
- Ломтев, Тимофей. 1976. Общее и русское языкознание. Москва.
- Полюга, Лев. 1996. Роль української мови у розвитку російської в ХУП – ХУШ ст. (Роздуми над книгою П. Цимбалістого). В: *Мова і соціальні процеси. Вісник Львівського університету. Серія філологія.* Львов.
- Прохорова, Ольга. 1988. *Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах.* Ленинград.
- Соболевский, Андрей. 1980. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV – XI вв. В: *История русского литературного языка.* Ленинград.
- Соболевский, Андрей. 1903. Несколько мыслей о древней русской литературе. В: *ИОРЯС. Т. VIII, книга 2*
- Толстой, Никита. 1988. *История и структура славянских литературных языков.* Москва.
- Трубецкой, Николай. 1995. К украинской проблематике. В: *История. Культура. Язык.* Москва.
- Трубецкой, Николай. 1995. Общеславянский элемент в русской культуре. В: *История. Культура. Язык.* Москва.
- Унбегаун, Борис. 1970. Историческая грамматика русского языка и ее задачи. В: *Язык и человек.* Москва.
- Успенский, Борис А. 1988. Одна из первых грамматик русского языка

- (Грамматика Жана Соје 1724 г.) В: Вопросы языкознания. № 1.
- Успенский, Борис. 1994. *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.)*. Москва.
- Успенский, Борис. 1996. Раскол и культурный конфликт XVII. В: *Язык, семиотика, культура. Избранные труды*. Том II. Москва.
- Филин, Федот. 1978. Исконное и заимствованное в современном русском литературном языке. В: *Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов*. Москва.
- Филин, Федот. 1981. *Истоки и судьбы русского литературного языка*. Москва. *Філософські питання мовознавства*. 1972. Киев.
- Хюттль-Ворт, Герда. 1965. Проблемы межславянских и славяно-неславянских лексических отношений. В: *Славянска филология. Материали от V международен конгрес на славистите. Езикознание*. София.
- Цейтлин, Р. М. 1974. К истории слова *драгоценный* в русском литературном языке. В: *Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков*. Москва.
- Черных, Петр. 1953. *Язык Уложения 1649 г.* Москва.
- Четвертый международный съезд славистов: Материали дискусии*. Москва, 1962.
- Шанский, Николай. 1961. О происхождении и продуктивности суффикса – ость в русском языке. В: *Вопросы истории русского языка*. Москва.